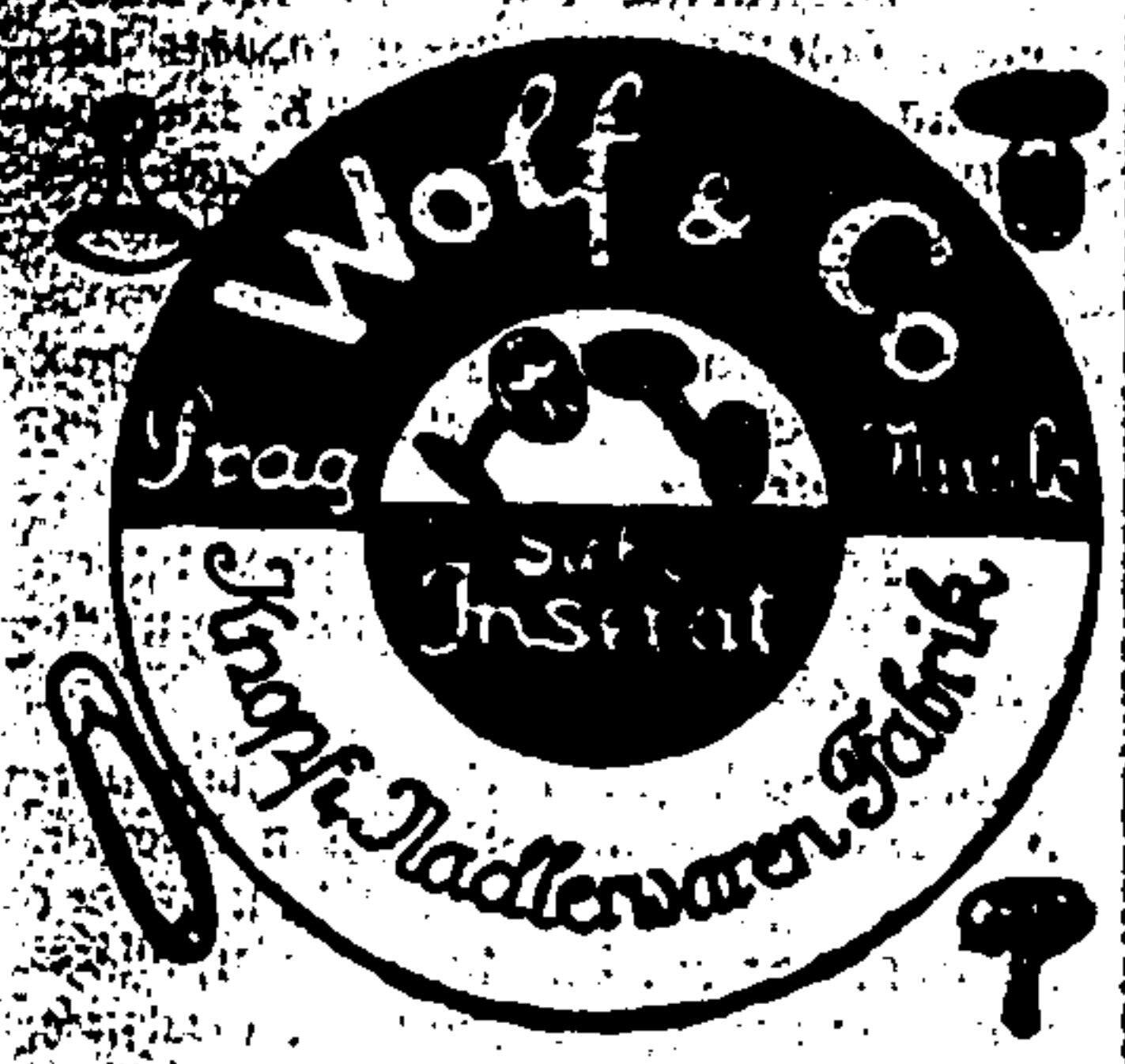

Всего в Германии 70 миллиардов марк.
Всего в Германии 70 миллиардов марк.

ВРЕМЯ

„Wremja“
ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

Почтовая марка «Время» в Берлине —
Телефон: Марк 4340 и 4341

Подписная цена в Германии 1 рота на год в месяц. Цена об'явления: Пять строк 20 сантимов в неделю, с тем же 60 сантимов в неделю.
Реклама без обозначения условий считается бесплатной. — Редакция не обязана возвращать присланные рукописи. — Редактор принимает ежедневно от 12—1 н. д.

Прем'я подписки и об'явления в конторе
издательства Berlin W 8 Kronenstr. 4—5.
Телефон: Marck 4340 и 4341.

№ 288 Берлин, Понедельник 28 января 1924 г. Год издания VI

Кончина В. И. Ленина.

Политическому обозревателю приходится дважды поминать В. И. Ульянова-Ленина. Фактически верховный правитель России перестал им быть еще год тому назад, когда боляк его принял явно неблагоприятный для его жизни оборот.

О личности покойного диктатора, и его значении в пределах русской революции и государственности, придется вынести заключительный приговор лишь последующим поколениям.

Не выяснена окончательно и личность нап. личность и значение Роденберга в пределах революции французской. Все суждения о Ленине, все выводы из его революционной и правительственной деятельности, в настоящий момент могут носить лишь характер временной и неполной оценки, в которой придется возвращаться в ближайшие недели и месяцы, когда борьба за замещение Ленина в пределах созданной им системы займет центральное место в среде его бывших сотрудников и — противников.

Что такая борьба разовьется — в этом не может быть сомнения. Впервые говоря — продолжение этой борьбы. Но не может быть сомнения, что политический момент подлинной борьбы на гробу воли русской революции и его понимания русской жизнью — одно, разнотелее этой жизни оказалось совсем иным.

Между идеями освободившего Россию и Человечество коммунизма, своеобразно и в порыве невольного истолкования Маркса, и вымышленном состоянии России, на которой, следовательно, Ленинская — нечто общее, и, несмотря на логическую последовательность, связывающую своеобразную национализацию с весьма не оригинальным Нэпом.

Начиная с этого периода выкладки складываются с заключительной эпохой всеобщей материальной и духовно-культурной пролетаризации, получившей в России в наследство от самодержавия и большевизма — является лишь действительным заместителем Ленина. Со смертью диктатора и связанным с этой смертью преемством знаменосца — действительным преемником станет исключительно капитал. Отныне капитал и буржуазия имеют возможность сбор

В. Назимов.

сать маскарадный костюм и совершенно открыто смеяться красной флагу, стидливо прикрывавший буржуазную контрабанду.

Споры в среде коммунистической партии, представляющей собою в настоящее время лишь общество взаимного обеспечения сохранения политической власти в России, в результате смерти Ленина, особого интереса не представляют. Впрочем, все же, что разожжение в коммунистической семье, начавшееся с момента политической смерти вождя, пойдет более быстрым путем после смерти физической. Не менее вероятно и то, что «хозяйственники» в партии и призвавшиеся к ней несут ответственность «хранить свое лицо» и вверять, и тем экономические политики окажется более ускоренным. Конечно, в смысле создания возможности приложения частной инициативы и капитала, расширения области внешней торговли и привлечение иностранного капитала к делу восстановления хозяйственной жизни страны.

Нечего терять слов по поводу того, что все это означает период борьбы за ликвидацию всего, что до недоразумно называлось российским коммунизмом. Борьба эта будет более жестокой, во время с тем и более результативной уж потому, что борющиеся в Кремль группам не придется оглядываться на Ленина, имя которого всегда содержало бойцов враждовавших друг с другом и поощряло их в момент борьбы о т. н. контрреволюционеры, саботажники, буржуазия и социал-предатели. Общественно-политические результаты этой борьбы, что касается России, получаются те же, что были бы и при Ленине, о той реакции, которая наступит немного быстрее. Физическая смерть диктатора первого периода большевизма принципиально ничего не меняет. Для суждения о том, был ли Ленин великим организатором, принесшим России великое благо или великое зло, был ли он только великим разрушителем и тормазом для свободного развития нашей родины — нашему поколению недостает объективности. Великий народ, с которым думать, выйдет на истинный путь своего государственного творчества, и против Ленина, и без Ленина.

В. Назимов.

Притие свободы.

В русской эмигрантской печати обсуждается в настоящее время тема о признании советского правительства со стороны иностранных государств. Вместе с тем русскую эмиграцию начинают волновать теоретически вопрос, практически повидному ршенный ею в определенном отрицательном смысле. Вопрос этот о притии русской интеллигенции русской революции. В результате ршения этого вопроса мы могли бы стать свидетелями возникновения чего то вроде дозволенной оппозиции или оппозиции Его Величества Советского Правительства.

Вопрос о притии или непритии революции, т. е. практически и реально говоря Советского Правительства, чрезвычайно трудно разрешить несмотря на присущую ему элементарность конструкции. Совершенно правильно одним из оппонентов на доклад Е. Д. Кусковой было замечено, что прежде чем приступить к ршению этого вопроса, надо столкнуться во-первых, того и что следует притие или непритие, кто должен это притие, и что такое в конце концов понимается под таким притием. И прежде чем мы столкнемся о предмете нашего спора, о субъекте его и об объекте, придется столкнуться с тем, что спор потерпит, может быть, всякое практическое значение.

Как раз в настоящее время происходит в Англии смена правительства и к власти призывается там впервые рабочий класс. Этот факт имеет столь глубокое значение, что следует его для Англии, а может быть и для всего цивилизованного мира так великим, что мы стоим лицом к лицу с революцией, проводимой не обычным путем, но посредством той же социальной и политической партии, которая воодушевляла неоднократно революционеры, на практике не немедлих дальше тех реформ, которые включены в программу Мак-Дональда. Это переворот проводимый только кинем, но мирными средствами, если можно так выразиться, переформированное известное выражение ученого полководца. Вопрос о притии или непритии этой революции английской интеллигенцией там не возникает и, по существу, возникнуть не может. Дело тут не в метод этой революции. И здесь массы приведены в движение, и здесь массы эти претсдуют или освобождительная и тем не менее эта революция приметается интеллигенцией. Приемлет ее само собою та интеллигенция, объективно-политические идеалы которой

СОДЕРЖАНИЕ.

Кончина В. И. Ленина. В. Назимов
Притие свободы. Р. Бур.
Курица и орел. В. Назимов.
Министр Штрезман и иностранные журналисты.
Обзор печати.

В. Назимов
Р. Бур.
В. Назимов.
В. Назимов.

Министр Штрезман и иностранные журналисты.

В субботу 19 января управляющий отделом печати германского правительства д-р Спикер пригласил к себе «на кружку лава» находившихся в Берлине иностранных журналистов. В бытность д-р Спикером германского посла, занимаемом ныне отделом печати собором свине ста представителей международной печати и больших телеграфных агентств. На встрече присутствовали также рейсканцлер и все министры кабинета д-ра Маркса, выдающиеся представители немецкой печати, прибывшие из Парижа уполномоченный в д-рах фон Гаш и другие выдающиеся политические деятели. После краткого приветственного слова, произнесенного д-ром Спикером, министр иностранных дел Штрезман обратился к присутствующим с речью, обнаружившей большой темперамент и посвященной по преимуществу вопросу на последние выступления Пуанкаре в палате депутатов, а также на французскую ноту по вопросу об установлении известия модуса в рейнской и рурской областях.

Министр обратился с призывом к иностранным журналистам обследовать действительное положение в оккупированных областях и в частности ознакомиться с т. н. сепаратистским движением в Палатинате. Обращаясь к упрекам Пуанкаре по поводу Германии, Штрезман с иронией, опровержение, будто Германия пользуется выгодами от обязательств возложенных на нее Версальским договором с тем, чтобы завоевать известное положение на международном рынке и претендовать на все Францию. Слова Штрезмана весьма определенно и темпераментно повторил высказанную им уже мысль о том, что Германия в д-рах финансовых платежей и поставок натурой не только готова, но и способна, но и сознает

свою обязанность в этом, раз так или иначе мирный договор ею был подписан. Вместе с тем он энергично протестует против всяких нарушений германского суверенитета и против всякого вмешательства в устройство внутренних германских дел, в частности же против попыток определить вновь принадлежность германских территорий к тому или тому государству.

Не надо забывать говорит Штрезман, что Версальский договор возлагает на нас обязательства, признаваемые нами несмотря на всю их тяжесть. Но вместе с тем договор этот гарантирует нам известные права, и мы вправе требовать, чтобы эти права были соблюдены нашими контрагентами. Договор оставляет Германии определенные границы и внутри этих границ хозяевами должны оставаться только мы.

Особенно темпераментно д-р Штрезман выступил против упрека Пуанкаре заключавшегося в том, что Германия стремится установить свою администрацию в рейнской и рурской областях. Само собою разумеется, это так, говорит министр, и иначе оно быть не может. Версальский договор признал за нами право владения этими областями и право управления ими. Естественно, что мы стремимся к восстановлению этого права, впрочем никак не оспариваемого. Совершенно непонятно, как г. Пуанкаре на осуществление этого права нам может д-рять упрек.

Речь Штрезмана была выслушана с глубоким вниманием всеми присутствующими. Особенное значение ей было придано тем обстоятельством, что она была произнесена немедленно после приезда г. фон Гаша на Парижа и непосредственно после устного доклада сд-р-наго последним министру иностранных дел.

Р. Бур.

Курица и орел.

Знакомки Толстого (очень прошу не сминать ни с толстовцами, ни с толстовцами, которые, кажется, соистым перевелась в России) зададут мне, пожалуй, вопрос, в каком публицистическом или беллетристическом произведении Толстого можно найти приведенные мною в прошлом номере «Времени» слова: «столько курицу можно держать в руках, но не орла и не свободное слово...» Я спешу ответить на этот вопрос, тем более что именно это характерное выражение великого ясновидца сейчас имеет самый злободневный характер.

Было это в 1905 году. Толстого постиг один врач из Тулы, вногда прибывавший к Толстому специально, чтобы сыграть с ним в шахматы. За столом у Толстого шла оживленная беседа, много спорили по поводу тогдашних событий, в центр стояло освободительное движение, с выставленными им требованиями свободы слова и т. д. Толстой настаивал, что по существу бессмысленно требовать свободы слова, ибо слово не может быть несвободным по самой природе своей. Тогда же он привел притчу о мальчишке, который держал курицу в руках, но называл ее, хвастаясь перед матерью, орлом.

«Глупый мальчишка», — закончил Толстой: «курицу можно держать в руках, но не орла». А человеческое слово — тот же орел». Цитирую, конечно, на память, со слов упоминаемого тульского врача, человека высокоинтеллектуального, — газеты же, в которой я тогда пердал эту притчу Толстого, я под рукой не найду. Да не в притчу д-р, а в том, что Тол-

В. Назимов.

стой правильно проинтерпретировал притчу, что во главе требований освободительного движения ставил свободу слова, как будто по самому существу своему слово не было вполн и безгранично свободно. Надо только разграничить два понятия: слово и печатное слово...

Нужно ли доказывать, что даже в царской России, где печатное слово при всех условиях и связывавшихся с ним ограничениях, стояло слово, свободное слово всегда жило и кр-вло, и развивалось и совершало свой орлиный полет? От Екатерины II, под эгидой которой у нас печатное слово стало укр-пляться, и до Николая II, в царствование которого наша печать впервые была раскрыта, мучило слово, правдивое слово, вырвавшееся из груди слово, даже вырвавшее слово и неслыханное слово было подобно орлу, коему не страшны ни топи болот, ни выси гор.

Нас учили в школе, что мудрость Екатерины позволяла ей переписываться с Вольтером, и мы не мало умалились, вместе с Иловайским, эпох просвещенного деспотизма. Но Екатерина не стесняла и принятию русскому народу идеи Фервейского мудреца, он просочил русскую интеллигентность ответственность д-рой интеллигентного автора Кандида. Наоборот, над Россией повея грозный окрик: «Фельдфебель в Вольтеру дам». И что же, хот' Россия превратилась в столоначальников, сколько фельдфебелей, свободное слово Вольтера глубоко проникло в русские образованные круги и даже содало особый род вольтерьянства, как ду-

В. Назимов.

ховного бунта против действительности.

Сколько испытаний подвергался Радичев, сколько гонений было воздвигнуто на его безсмертное «Путешествие». Но слово Радичева, обличающее и будищее, было именно тем свободным орлом, которого не скатили ни мальчишескими, ни даже фельдфебельскими руками. Разв' все гонения из за которых страдал человек Пушкин, заткнули хотя бы на мгновение его орлиный рот, затуманили его орлиный взор? И разв' в тот же день, когда Пушкин, поэт-орел, пал, невольником своей человечески-слабой чести, не вырос и не оперился молодой орленок? Поручика Лермонтова Николая I мог сослать на Кавказ, но орлиный зов поэта в стихах: «Орбю поэт...» не мог быть выжжен из сердца русского общества.

Наше сердце обливается кровью, когда мы читаем, как был замучен юшо-поэт Полтавев. Но фельдфебеля царя потому и мучили его, что его свободное, поэтическое, а потому проинканное в души слово рвало над всей Россией. Чаадаев Николай I, приказал объявить сумасшедшим, но пророческие слова его, который Герцен так прекрасно назвал «криком в лютю», беснулы молнией над орлиной частью России. Тасих приворов можно привести множество. Вспомните Бальсикаго и его кружок, проведете линию от Писарева и Добролюбова, через Чернышевского и Некрасова, вплоть до наших дней, когда низкая цензурная тупа не могла сдерживать напора живого, свободного слова.

В. Назимов.

Вспросите, почему притча Толстого о курице и орле имеет сейчас злободневный характер? Потому что вся наша эмигрантская печать, на этот раз не только безответственно, но и сознательно, с яким умыслом, симулирует печатное слово с человеческим словом. Не будем повторять старых, жезанных и пережезанных истин о свободе мысли, убеждений, печати и т. д. Мы не маленькие д-ры, и мы уже знаем дальше этой политической абуки. Большевики претсдуют и душат всякое печатное слово, исходящее от буржуазии или написанное интеллигентами, — но в-д свободного слова не задушат! Дважды два по Марксу может быть согласно большевистск, толковать и пить и даже шестик, но даже Державинскому не превратить орла в курицу.

Миф поэтому думается, что если интеллигентское слово или, если хотите, эмигрантское слово не пробило толщи русских сердец, то это не потому, что в России запрещена буржуазная печать, не пропускаясь эмигрантская газета и т. д. Причина лежит, повидному, в том, что эмигрантский язык не есть тот глагол, который жжет сердца, не есть тот орел, которому открыты все выси и горячища. Не в том д-ра, что передовица «Рул», подоплека эс-эров и эс-эров и монархический бред «Нового Времени» не прождат в России, а в том суть, что все это только лишь куриний взмах и орлов среди нас, с орлиным клеветом-словом все еще н-т...

В. Назимов.

Миф поэтому думается, что если интеллигентское слово или, если хотите, эмигрантское слово не пробило толчи русских сердец, то это не потому, что в России запрещена буржуазная печать, не пропускаясь эмигрантская газета и т. д. Причина лежит, повидному, в том, что эмигрантский язык не есть тот глагол, который жжет сердца, не есть тот орел, которому открыты все выси и горячища. Не в том д-ра, что передовица «Рул», подоплека эс-эров и эс-эров и монархический бред «Нового Времени» не прождат в России, а в том суть, что все это только лишь куриний взмах и орлов среди нас, с орлиным клеветом-словом все еще н-т...

В. Назимов.

Миф поэтому думается, что если интеллигентское слово или, если хотите, эмигрантское слово не пробило толчи русских сердец, то это не потому, что в России запрещена буржуазная печать, не пропускаясь эмигрантская газета и т. д. Причина лежит, повидному, в том, что эмигрантский язык не есть тот глагол, который жжет сердца, не есть тот орел, которому открыты все выси и горячища. Не в том д-ра, что передовица «Рул», подоплека эс-эров и эс-эров и монархический бред «Нового Времени» не прождат в России, а в том суть, что все это только лишь куриний взмах и орлов среди нас, с орлиным клеветом-словом все еще н-т...

В. Назимов.

Миф поэтому думается, что если интеллигентское слово или, если хотите, эмигрантское слово не пробило толчи русских сердец, то это не потому, что в России запрещена буржуазная печать, не пропускаясь эмигрантская газета и т. д. Причина лежит, повидному, в том, что эмигрантский язык не есть тот глагол, который жжет сердца, не есть тот орел, которому открыты все выси и горячища. Не в том д-ра, что передовица «Рул», подоплека эс-эров и эс-эров и монархический бред «Нового Времени» не прождат в России, а в том суть, что все это только лишь куриний взмах и орлов среди нас, с орлиным клеветом-словом все еще н-т...

В. Назимов.

Миф поэтому думается, что если интеллигентское слово или, если хотите, эмигрантское слово не пробило толчи русских сердец, то это не потому, что в России запрещена буржуазная печать, не пропускаясь эмигрантская газета и т. д. Причина лежит, повидному, в том, что эмигрантский язык не есть тот глагол, который жжет сердца, не есть тот орел, которому открыты все выси и горячища. Не в том д-ра, что передовица «Рул», подоплека эс-эров и эс-эров и монархический бред «Нового Времени» не прождат в России, а в том суть, что все это только лишь куриний взмах и орлов среди нас, с орлиным клеветом-словом все еще н-т...

Вся зарубежная печать запята вопросом о предстоящем признании иностранных государствами советской власти в России. Уже одно то, что дискуссия по этому вопросу развинулась очень широко и захватывала всех видных общественных и политических деятелей, потешивших высказать свое мнение доказывает, что вопрос о признании большевистков имеет для разрешения судьбы России чрезвычайную важность. Открывшая дискуссия в «Днях» С. Прокоповича находит, что после признания советской власти:

Мы будем жить в России иностранцев, пользующихся всем полнотою хозяйственных прав, и туземцев (т. е. русских) этих прав лишены.

...Россия действительно превратится в колонии европейских государств.

Совершенно противоположного взгляда А. Назимов; для него признания это:

«... первая дата национального и хозяйственного, а может быть и политического возрождения страны».

кто он рассчитывает на неизбежную эволюцию в рядах коммунистов.

А. Беренгейм не боится превращения России в колонию, ибо для этого у иностранцев есть средства; за предоставлением прав иностранцам последует предоставление таковых же прав и для русских, иначе и быть и не может.

А в своих собственных делах справится сами русские. Трудно, мучительно надменно, но все образуется».

М. Ланду-Алдунов спрашивает: Какую позицию займут сторонники признания советск. власти в том случае, если жизнью будет практическая поставлен вопрос о передаче большевистскому правительству русских дел в границах и об устройстве для него иностранного займа?

при этом напоминает, что д-р 20 назад русскими политическими деятелями были сданы попытки поспешить во Франции устройству займа самодержавного правительства и из-за которые из вышедших сторонников признания советской власти в ту пору сочувствовали этой попытке.

«Рул» пессимистически относится к вопросу о признании и в дискуссии видит даже вред, ибо она

вред и может способствовать проведению и кристаллизации фиктивного общественного мифа. В целом же практическом отношении она скорее послужит для иностранных держав толчком к увеличению их теперь решенного вопроса в положительном смысле. Ибо доселе эти державы еще приспосабливались к мифу «вытрати».

Может быть, это... (Text about social structure and revolution)

Газета добавляет... (Text about newspaper content and social issues)

Вот, оглушить... (Text about social conditions and the role of the press)

Получают маленькие... (Text about social conditions and the role of the press)

Вот, оглушить... (Text about social conditions and the role of the press)

Вот, оглушить... (Text about social conditions and the role of the press)

«Нанану!» подвывая... (Text about social conditions and the role of the press)

Основную роль... (Text about social conditions and the role of the press)

Тоска меня не покидала... (Text about social conditions and the role of the press)

Обожание, стремление... (Text about social conditions and the role of the press)

Интеллигенция... (Text about social conditions and the role of the press)

Интеллигенция... (Text about social conditions and the role of the press)

Евгений Шкляр

Из книги „Посох“

На верхнем этаже... (Poem text)

Метти Кал-риесской

Из книги „Посох“

Л свой жестокий путь... (Poem text)

Мак Нуар

Из книги „Посох“

Женщина была... (Poem text)

Мак Нуар

Из книги „Посох“

Женщина была... (Poem text)

Мак Нуар

Из книги „Посох“

Женщина была... (Poem text)

Мак Нуар

Из книги „Посох“

Женщина была... (Poem text)

В бинокль жизни

«Когда любовь умирает...» (Text about life and love)

Евгений Шкляр

В августе этого года... (Text about life and love)

Мак Нуар

Женщина была... (Text about life and love)

Мак Нуар

Женщина была... (Text about life and love)

Мак Нуар

Женщина была... (Text about life and love)

Мак Нуар

Женщина была... (Text about life and love)

Ива Конопкин

Димитрий

Итак, в гремящих раскатах... (Text about Dymitriy)

Ива Конопкин

Димитрий

Итак, в гремящих раскатах... (Text about Dymitriy)

Ива Конопкин

Димитрий

Итак, в гремящих раскатах... (Text about Dymitriy)

Ива Конопкин

Димитрий

Итак, в гремящих раскатах... (Text about Dymitriy)

Ива Конопкин

Димитрий

Итак, в гремящих раскатах... (Text about Dymitriy)

Ива Конопкин

Димитрий

Итак, в гремящих раскатах... (Text about Dymitriy)

